

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-311.6+808.1

КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ 1812 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Е. КУРГАНОВА (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Е. Н. Брызгалова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье представлен анализ изображения Отечественной войны 1812 г. в исторических романах Е. Я. Курганова. Соотношение документального начала и вымысла, усложнение коммуникативных отношений автора и читателя, перемена точек зрения – это и многое другое отличает прозу данного писателя от других.

Ключевые слова: война, автор, читатель, герой, точка зрения, современная литература, историческая проза.

В данной работе мы продолжаем начатое прежде исследование романов Е. Я. Курганова, посвященных Отечественной войне 1812 г. [2]. Как уже отмечалось, основным концептом и идейным центром всех романов прозаика, повествующих об эпохе первой четверти XIX в., является *война*. Каждое из произведений о событиях и людях тех лет показывает эпоху в определенном ракурсе и с точки зрения героев – участников событий. Вместе взятые, они образуют единое полотно, многомерное и панорамное. Но несомненно, что наибольший интерес для читателей и литературоведов, с точки зрения обозначенной нами проблемы, представляет роман «Шпион Его Величества, или 1812 год (историко-полицейская сага)» [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], наиболее полно представляющий эпоху, наиболее интересно построенный и, к сожалению, пока еще полностью не опубликованный.

Огромную роль в реализации концепции войны и создания концептосферы романа играет его композиция. Композиционная структура произведения сложна и своеобразна. Прежде всего бросается в глаза ее многослойность. Основной текст, который имеет форму дневника Якова де Санглена, создателя русской тайной военной полиции при Александре I, дополняется приложениями – записками других участников событий, которые хранятся в бумагах главного героя и полны его примечаний, дописок на полях и пояснений.

Действие «Шпиона...» охватывает, с жанровой точки зрения, небольшой временной период: от подготовки вторжения французов на территорию России в 1812 г. и до Венского конгресса в 1815 г., то есть около четырех лет. Но по важности и насыщенности событий эти годы в истории России очень важны и составляют, по мнению историков, целую эпоху. Поэтому в романе чувствуется особый эпический размах происходящего, при том что повествование всегда лично и субъективно, так как ограничено взглядом повествователя. Е. Курганову удалось совместить, казалось бы, несовместимое: индивидуальность восприятия героя, его оценку событий, в центре которых (или свидетелем которых) он оказался, и общий взгляд на эпоху, ставшую испытанием и для

государства, и для императора, и для его подданных. Это стало возможным в том числе и благодаря удачно найденной композиции.

В некоторых эпизодах установленные дневниковыми записями героев временные рамки расширяются: мы что-то узнаем о последующих годах жизни персонажей, о скрытых до времени мотивах и последствиях их поступков из позднейших вставок и комментариев Якова Ивановича де Санглена, относящихся к 60-м гг. XIX в. Обращаясь к своим прежним записям, перебирая бумаги архива, перечитывая дневники своих давних соратников и недругов, бывший директор тайной воинской полиции как бы заново все это переживает и оценивает – отсюда особый, страстный и пристрастный, тон его комментариев. Он взирает на события полувековой давности не с отстраненностью давно пережитого и убранного в дальние уголки памяти, а с горячностью, в которой явно ощущаются самые разные чувства: уважение, восхищение, неприятие, обида, отторжение, гнев и пр.

Другие мемуаристы-повествователи в своих записках (которые, как уже отмечалось, составили приложение к дневникам Санглена) представляют свое видение происходящих событий. Они проясняют свою роль в них и раскрывают мотивы собственных поступков. А так как Санглен, будучи главой тайной полиции, постоянно вмешивался во все происходящее, то их оценки его действий часто резки и нелюбезны. Они обвиняют его в собственных неудачах, чем и вызывают гневную отповедь и негодование, буквально пронизывающие его поздние комментарии. Все это создает своеобразный эмоциональный фон, сопровождающий повествование.

Эта эмоциональная напряженность ставит читателя в особые условия восприятия происходящего. Он оказывается в ситуации, когда герои с жаром утверждают прямо противоположные взгляды на события и на свою роль в них, а также на участие в судьбах друг друга. Читатель должен решить, кому верить, а кому нет; кто говорит правду, а кто выдает желаемое за действительное. Самое важное во всем этом состоит в том, что каждый герой объясняется свои поступки не личностными мотивами (например, неприязнью к другим, желанием отомстить, обойти соперника и снискать расположение императора), а любовью к родине, гражданским долгом, обязательствами перед своим народом или перед государем, а вот поступки противника воспринимает именно как проявление его эгоистических устремлений.

Такая противоречивая картина, сложившаяся из нескольких не совпадающих друг с другом взглядов на произошедшие события, с одной стороны, усложняет позицию читателя, а с другой – активизирует его роль, ведь это ему предстоит разобраться во всех описанных хитросплетениях и подозреваемых интригах и решить, чье видение событий принять, а чье отвергнуть, кому из героев сочувствовать, а кого порицать.

Таким образом, в романе предложена «многоголосая» и противоречивая версия происходящего, в которой мнения участников то согласуются, то противоречат друг другу, но при этом всегда «работают» на то, чтобы изображение получилось многомерным и чтобы читатель смог составить собственное представление об описанных событиях.

Все авторы мемуаров и дневников – участники и свидетели описанных событий и основные действующие лица рассказанной истории, поэтому внутренние связи между ними имеют решающее значение для развития сюжета. Есть и, если так можно определить, внешний круг персонажей – людей уже нашего времени, подготовивших и опубликовавших тайный дневник Санглена и

бумаги из его архива – дневники и записки других людей, вошедшие в приложения. Это автор, публикаторы, ученые-комментаторы, чьи пояснения и дополнения тоже играют определенную роль в произведении. Но их мы пока не берем в расчет, так как они не были современниками героев и не влияли на ход происходящего.

Созданная в романе композиционная структура позволила Е. Курганову уйти от авторского диктата в освещении исторических событий: это Санглен в своем дневнике описывает происходящее таким, каким он его видит. Он же комментирует дневник Алины Коссаковской [11], записки финансиста Абрама Перетца [10] и «секретные прибавления к мемуарам А. Чарторыйского» – «Книгу Адама» [13]. Он, постоянно высказывая сомнение в правдивости написанного ими, оценивает, полемизирует с мемуаристами, опровергает или подтверждает их высказывания. Например, предвзято дневник графини Алины краткой справкой, Санглен пишет, что это «сплошное вранье. Верить ... не стоит». И далее продолжает: «Сие сочинение носит пасквильный характер, и я отказываюсь рекомендовать его к печатанию» [11]. Об Адаме Чарторыйском он высказывается резко, поддерживая действия царя, фактически обманувшего своего недавнего любимца и нарушившего обещание сделать его наместником Польши, называя их «суровыми и справедливыми» [13]. Оправдывает он и позицию царя в истории с Перетцем, пожертвовавшим в 1812 г. свое огромное состояние для нужд русской армии и не получившим никакой компенсации после окончания войны.

Характеры героев, особенности их личностей, их позиции и взгляды на войну и эпоху так до конца и не проясняются для читателя, даже когда он переворачивает последнюю страницу произведения, прочитав все, включая приложения, потому что остается слишком много противоречий и возможностей для различных интерпретаций. И это не упущение автора, а его осознанная позиция и признание читателя как со-творца, наделенного правом иметь собственное мнение о рассказанном. Более того, автор использует своего рода провокационную стратегию: разъяснение по поводу тех или иных сюжетных коллизий он поручает одному из героев-мемуаристов, в то время как другой (чаще всего Санглен) его опровергает. Например, борьба русской тайной полиции и польской графини Коссаковской постоянно заканчивается ее арестом, побегом из-под стражи и дальнейшим появлением в наиболее важных и потому уязвимых для русских местах: при попытке покушения на царя, в Москве, в которую вскорости должна войти армия Наполеона, при подготовке и проведении Веского конгресса и др.

Сначала мы узнаем обо всех перипетиях этого длительного поединка из дневников Санглена. Читатель, основываясь на его записях, считает Алину виновной в ряде преступлений против российского государства. Он с интересом следит за тем, что и как предпринимает полиция для ее поимки, и всякий раз разочаровывается, когда ей удается ускользнуть. Казалось бы, все ясно, так как на эту версию работает и дневник самой героини, объясняющей мотивы своих действий любовью к родине, ненавистью к России и стремлением способствовать возрождению «великой Польши» [13]. Это же, пусть и косвенно, подтверждается в мемуарах Чарторыйского – еще одного вельможи, желающего возродить польскую государственность. Поэтому у читателя складывается определенное представление о героине. Но оно опровергается в записках Перетца: он высказывает мнение, что графиня мало того, что была двойным агентом и выполняла поручения Аракчеева, так еще и состояла в любовной связи с

Сангленом. Это, с его точки зрения, и объясняет ее удачливость при побегах из-под стражи. Мемуарист утверждает, что предоставил царю доказательства в виде выкраденных любовных записок, и это способствовало падению директора воинской полиции.

Подобный сюжетный поворот не только опрокидывает читательские представления, сложившиеся ранее, но и в новом свете подает главного героя романа, поскольку противоречит очень многому из того, что тот писал в своем дневнике. Казалось бы, теперь-то все ясно: читатель наконец получил возможность все «разложить по полочкам» и составить окончательное мнение. Но «позднейшие вставки» Санглена страстно опровергают обвинения финансиста в его адрес: «Невыносимая клевета! Плод воспаленного воображения господина Перетца, и более ничего! Упоминаемых им писем и в помине не было. Никогда. Ручаюсь головою. Да ежели бы даже графиня Коссаковская и стала вдруг писать мне любовные записочки, то зачем мне было хранить их среди бумаг канцелярии Высшей воинской полиции? Я бы тут же их уничтожил. В общем, налицо наглая выдумка господина Перетца» [10].

Обе точки зрения логически верны: один герой говорит о предоставленных доказательствах, другой уверяет в их ложности. Читатель, уже знакомый и с дневником Санглена, и с дневником Алины, оказывается в своеобразном тупике, так как ни в одном из них не было даже намека на возможную связь героев. Автор при этом остается в стороне, предоставляя читателю самому решить, кто прав и кому верить. А для того, чтобы ему окончательно определиться в своем отношении к героям, придется подобрать собственную «доказательную базу», которая будет состоять из множества фактов и мнений. Может быть, он еще раз перечитает какие-то фрагменты, найдет в них подсказки и тогда окончательно разрешит для себя, кто прав, Перетц или Санглен.

То же самое происходит и с восприятием эпохи в целом. В нашем сознании война 1812 года в силу ряда причин самого разного характера и временной удаленности от современности приобрела некоторый романтический флер: каждый читатель сложил для себя представление о том, «как все было», из художественных книг и фильмов. А в дневнике Санглена многие события и люди выглядят совсем иначе. Неразбериха и мародерство в Москве перед приходом французов, эгоистическое стремление русского командования любой ценой хорошо выглядеть в глазах царя, мелочная борьба придворных и военачальников за влияние на самодержца, поражение России на Венском конгрессе – это и многое другое читатель видит глазами Санглена. Причем в его взгляде тоже сохраняется некая множественность возможных интерпретаций. Сам герой, например, так и не решил для себя, как расценивать действия и распоряжения московского градоначальника Раstopчина – как глупость, некомпетентность, злой умысел или проявление гордыни?

Эти и другие факты, события и картины, противоречащие ранее сложившимся у читателя представлениям, заставляют его анализировать изображение и принимать или опровергать точку зрения Санглена – а в конечном итоге, принимать или не принимать роман. Можно сказать, композиционное построение романа активизирует сам процесс коммуникации, возникающей между автором и читателем, позволяя читателю содержательно интерпретировать литературный текст на основе собственного жизненного опыта и знания литературной традиции, то есть на основе своей литературной компетенции.

Таким образом, дневниковая форма повествования в романе Е. Курганова из монологической превращается в диалогическую: каждый повествователь рассказывает о своей версии происходящего, а Санглен корректирует и опровергает то, что говорят остальные повествователи. Важно, что неприязнь Коссаковской, Чарторьёвского и Перетца к Санглену основаны не только на личных причинах, но и на разности их отношения к войне, к французскому и русскому императорам, к событиям в целом. Поэтому происходящее воспринимается как бы в двух планах – личном (как противоречия между людьми) и общественном (как противоречия между государствами). Все это способствует созданию совершенно особой атмосферы недоговоренности, множественности мнений и сомнений в правоте того или иного рассказчика. Читатель постоянно оказывается перед необходимостью учитывать то, что все четверо находятся между собой в сложных отношениях и преследуют каждый свои собственные цели. К тому же читателю приходится учитывать, что среди основных героев только Алина Коссаковская – вымышленный персонаж, а остальные – реальные исторические лица, оставившие свой след в истории страны и в той или иной степени повлиявшие на эпоху.

Это характерно не только для данного романа, но и для всей исторической прозы писателя, посвященной эпохе 1812 г. Не только главные, но и многие второстепенные герои его романов – реальные люди. Отзывы современников о них дошли до наших дней и рисуют нам людей неоднозначных, часто оставивших по себе противоречивые мнения современников. Судя по романам, автора привлекают люди яркие, способные на самостоятельные действия, готовые к самопожертвованию, но далекие от того, чтобы выглядеть идеальными. Автор открыто говорит об этом в предисловии в одном из фрагментов «Шпиона...»: «В 1812-м году и вообще в царствование Александра I происходило много фантастического, и личности на политическом небосклоне тогда были зачастую нереально яркие, крупные, оригинальные, каждая из которых обладала своей индивидуальной стилистикой, четко выраженным творческим почерком, сильной характерологической отметиной и вместе с тем резким индивидуальным своеобразием» [14].

Под это определение подходят все главные герои романов о той эпохе. Например, Павел Иванович Энгельгардт («Первые партизаны, или Гибель полковника Энгельгардта» [7]) в энциклопедических и биографических источниках предстает как несомненный герой, под страхом смерти отказавшийся от сотрудничества с французами и от предательства [18]. А в романе, где приводятся отрывки из реальных свидетельств и документов, он предстает еще и неуживчивым, скандальным, малоприятным в глазах соседей человеком [7].

Графа Ивана Витта («Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта» [6]), несомненно, человека храброго, некоторые современники считали предателем и не без оснований называли соглядатаем царя. В биографических справочниках упоминаются свидетельства генерала Багратиона, назвавшего Витта «лжецом» [4], и Ф. Ф. Вигеля, считавшего его редким интриганом [4]. Военные историки нашего времени восторгаются его талантом разведчика [16], в то время как можно встретить и резко отрицательное мнение: «Его ордена омыты кровью и слезами жертв» [1]. Курганов учитывает все это, его Витт – человек из плоти и крови, ему свойственно ошибаться, увлекаться, испытывать разные чувства. Но несомненно одно: он верен своей стране, даже если его понятие о верности расходится с читательским.

О реальном Якове де Санглени («Шпион его величества...») в романе приведены отзывы его современников, среди которых А. И. Герцен, Н. И. Греч, Ф. Ф. Вигель, Т. П. Пассек и др. [15]. Современники в большинстве своем отзывались о нем отрицательно. Автор объясняет все это так: «Вообще надобно признать, что негативная репутация Санглена во многом исходила из российского жандармско-полицейского мира николаевского времени и, может быть, даже во многом формировалась в пределах этого мира. Это, видимо, объясняется тем, что Санглен был личным шпионом Александра I, знал множество государевых тайн, и, соответственно, в царствование Николая I он оказался совершенно не ко двору. Можно даже сказать, что его побаивались, побаивались того, что он может рассказать» [14]. Но были и те, кто воспринимал Якова де Санглена положительно – эти отзывы также приведены в романе. По мнению современного нам исследователя, Санглен «имел репутацию двуличного человека» [5]. Современный военный журналист и историк А. Ю. Бондаренко считает, что «современники побаивались его... даже тогда, когда он был частным лицом» [15].

Итак, о каком бы из героев ни шла речь, автор уходит от однозначной оценки человека, представляя его с разных сторон. Писатель называет свои романы «реконструкциями» и на основе реальных фактов, документов и свидетельств создает собственные картины, в которых реальность подвергнута художественной обработке, а документы придуманы. В результате создается иллюзия предельного правдоподобия, что и привносит в произведения Е. Я. Курганова публицистический оттенок, поскольку они воспринимаются читателем именно как документальное повествование. Реальные исторические лица, мощный документальный фундамент, дневниковая форма повествования – все это способно ввести читателя в заблуждение и заставить интерпретировать вымышленное как реальное. Например, некоторые придуманные писателем факты обрели самостоятельность и используются другими авторами в публикациях о реальных людях как достоверные. Так, краевед из Рыбинска И. Кочуев в статье, посвященной реальному Я. де Санглени, пишет, что он участвовал в «амурных похождениях» императора Александра, в то время как это вымышленный факт из романа Е. Курганова [5].

С другой стороны, то, что придумано, вполне могло происходить и в реальности. Например, история шарлатана Франца Леппиха, который обещал Александру I сделать «большой (воздушный – Е. Б.) шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, по ветру и против ветра» [8, с. 88], и получил под этот проект большие деньги, введена в роман для того, чтобы передать общую атмосферу, царившую при дворе накануне сдачи Москвы противнику и характеризовавшуюся оторванностью от реальности, неумением понять и принять очевидное и нежеланием брать на себя ответственность за промахи и ошибки. По сути не важно, имел ли место этот эпизод в реальности, – он мог быть, потому что не противоречил этой реальности: неудачный опыт воздухоплавания мог и состояться. Известно, что во Франции первые воздушные шары поднимались в воздух за несколько лет до Великой французской революции, то есть в 80-е гг. XVIII в., значит, русский самодержец вполне мог увлечься идеей использования воздушного шара в военных целях вместо того, чтобы заниматься делами армии. Таким образом, вымышленное и реальное подается автором в одном ряду и оправдывает его формулу «если это и не происходило, то вполне могло произойти»: «Все, без исключения, персонажи – вплоть до самых эпизодических –

реальные исторические лица. Практически все описанные события имели место, а если не имели, то вполне могли бы иметь» [12, с. 6].

В результате роман представляет собой правдивый портрет эпохи, основанный на единстве самых разных начал и взглядов. Исходя из этого, можно сказать, что авантюрное начало, выраженное в сюжетной линии борьбы Санглена и Алины, естественным образом включено в сферу начала эпического, документального, основанного на борьбе государств и народов. Вымышленные люди и события вписываются в логику реальных документов и свидетельств. Само повествование облечено в документальную форму, ведь дневники и записки – это документы эпохи. Сочетание публицистического и художественного начал в прозе Е. Курганова и специфика документальности в его произведениях уже становились предметом научного осмысления [3], поэтому в данной статье нет смысла останавливаться на этой проблеме.

Дневники Якова де Санглена составляют большую часть повествования. Все происходящее мы видим его глазами, к нему сходятся все сюжетные нити в четырех томах «полицейской саги». Каждый том делится на части, которые состоят из эпизодов. Но Санглен не только автор дневника, он своеобразный дирижер, руководитель оркестра, в котором у каждого из героев своя партия. В справке, предваряющей одно из приложений, автор говорит о Санглене, что он «на протяжении многих лет собирал письма, дневники, воспоминания, посвященные памятной эпохе 1812-го года» [10]. Его архив – это и есть роман, в котором личностное становится одним из проявлений всеобщего. Дневники и записки героев передают жизненный опыт людей той эпохи, их восприятие происходящего. Не случайно автор называет мемуары финансиста Перетца «своего рода исповедью, историко-психологически чрезвычайно показательной» [10]. В картине эпохи частные свидетельства обретают иной, более глубокий смысл, выражают ее суть, характер и становятся ее объективными составляющими.

Список литературы

1. Абросимов А. В поисках крестного отца Виттовской улицы // Newfavorite: Культурно-информационный ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newfavorite.net/vitt.htm> (Дата обращения: 01.12.2013).
2. Брызгалова Е. Н. Концепция войны 1812 г. в исторической прозе Е. Курганова (статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. Вып. 1. С. 20–30.
3. Брызгалова Е.Н. Художественное и публицистическое начала в исторической прозе Е. Курганова // Colloquium: Volume di contribute scientifici internazionali; a cura di U. Persi e A. V. Polonskij. Bergamo – Belgorod: Edizioni "POLITERRA", 2013. P. 22–32.
4. Иван Осипович Витт // Хронос. Биографический указатель [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/witt_io.php (Дата обращения: 12.09.2013).
5. Кочуев И. Шпион его величества // Рыбинская неделя. 2012. № 40(217), от 10.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: [week.ru article/g-a-4198.html](http://www.week.ru/article/g-a-4198.html) (Дата обращения: 12.10.2013).
6. Курганов Е. Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта [Электронный ресурс]. URL: http://iaelita.ru/aelitashop/item/zavoevatel-parizha-_cikl-_zabytye-generalny-1812-goda_.html. (Дата обращения: 07.12.2012).

7. Курганов Е. Первые партизаны, или Гибель подполковника Энгельгардта [Электронный ресурс]. URL: <http://iaelita.ru/aelitashop/item/pervye-partizany2.html> (Дата обращения: 20.2.2013).
8. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год. Июль – сентябрь 1812 г. Москва (историко-полицейская сага). М.: Икс-Истори, 2011. 352 с.
9. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 г. Апрель – июль. Вильна (историко-полицейская сага). М.: Икс-Истори, 2011. 384 с.
10. Курганов Е. «Где соль, там и Перетц»: Эпизод из историко-полицейской саги «Шпион Его Величества» [Электронный ресурс] // Заметки по еврейской истории. 2014. № 1 (171). Январь. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Kurganov1.php> (Дата обращения: 18.01.2014).
11. Курганов Е. Дневник Алины. Бумаги из архива военного советника Якова Ивановича де Санглена [Электронный ресурс] // День и ночь. 2013. № 6. Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/din/2013/6/29k.html> (Дата обращения: 12.02.2014).
12. Курганов Е. Шпион его величества // Нева. – 2005. – 12. – С. 6–98.
13. Курганов Е. Книга Адама (Секретные прибавления к мемуарам А. Чарторыйского) // Архив автора.
14. Курганов Е. Шпион Его Величества (историко-полицейская сага). Москва. Охота на французов (конец июня – первая половина июля 1812 года // Архив автора.
15. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год (историко-полицейская сага в четырех томах). Том первый. Петербург – Вильна. Март – июнь 1812-го года. [Электронный ресурс]. URL: <http://flibusta.net/b/173131>. (Дата обращения: 07.12.2013).
16. Левкова А. Яков де Санглен: начальник русской контрразведки. Беседа с военным историком Александром Бондаренко // Радио Голос России [Электронный ресурс]. URL: rus.ruvr.ru/2010/09/30/23124959.html (Дата обращения: 21.12.2013).
17. Шигин В. Штирлиц XIX века // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2005-06-24/7_shtirliz.html (Дата обращения: 09.09.2013).
18. Энгельгардт Павел Иванович (1774 – 1812) // Наполеон и революция [Электронный ресурс]. URL: <http://impereur.blogspot.ru/2012/12/1774-1812.html> (Дата обращения: 25.09.2013).

**THE VISION OF THE WAR OF 1812
IN E. KURGANOV'S HISTORICAL PROSE
(THE SECOND ARTICLE)**

E. N. Bryzgalova

Tver State University

The department of journalism, advertising and public relations and

The analysis of images of the Patriotic War in 1812 in E.Y. Kurganov's historical novels. His prose is distinguished of the others by the ratio of documentary and fiction, the complexity of communicative relationship of author and reader.

Key words: *war, writer, reader, character, point of view, modern literature, historical fiction*

Об авторе:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью

Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.